

СО АН: ЛЮДИ И ГОДЫ

Удачи археолога Медведева

1 ноября известный исследователь древней и средневековой истории Дальнего Востока, доктор исторических наук Виталий Егорович Медведев встретил своё 70-летие. Предлагаем вниманию читателей выбранные места из интервью, которое он дал корреспонденту «НВС» в канун юбилея.

Могу сразу сказать — я не любитель юбилеев. Но время приходит, и круглые даты дают повод немного оглянуться назад и подвести кое-какие итоги. А стоит оглянуться — и уплотняются, выкристаллизовываются моменты, сюжеты, случаи, без которых твоя жизнь не сложилась бы или сложилась совсем не так. Поэтому я хотел бы вспомнить несколько моментов, которые были определяющими в моей биографии.

Слово об учителях

Моей первой учительницей начальных классов была Анастасия Леонтьевна Гурьянова. Я учился в сельской школе, в Тогучинском районе, после войны. Четвёртый класс, 1952 год, сентябрь. Столько лет прошло, но этот день помню прекрасно. Первые уроки истории, и она рассказывает о русских дружинниках, их воинском снаряжении — и о науке археологии, которая позволяет обо всём этом узнать. И зародилась в то время мечта.

Конечно, тогда я даже мечтать не мог, чтобы этим заняться. Я закончил семилетку довольно успешно, потом лесной техникум. После окончания, поскольку у меня были очень хорошие оценки, и я был в первой пятёрке выпускников, я распределился в Новосибирск, в Западно-Сибирское аэрофотолесоустроительное предприятие, помощником таксатора — инженера-учётчика леса, и три года там отработал: лесеа, рубил, столбы ставил, квадраты размечал, кварталный учёт вёл, аэрофотоснимки обрабатывал...

Но мечта оставалась в душе: вот бы поехать куда-нибудь в археологическую экспедицию. Но как-то не было такой возможности. Про то, что в Новосибирском пединституте археологи есть, в начале 60-х годов даже слышно не было.

А потом в Новосибирском университете открылся гуманитарный факультет. В первый год, 1962-й, не мог я поступать, не имел права уйти из своего авиалесоустроительного предприятия. А в 1963-м сразу приехал на День открытых дверей, что бывает в марте. Вёл заседание Валентин Александрович Авдорин, первый декан нашего факультета, добрейшей души человек. И я совершенно точно решил, что поеду только сюда.

Но не повезло мне в июле — одного балла не хватало. Пригласили нас на собеседование — в университете, на втором этаже, недалеко от нынешнего кабинета ректора. Моя очередь дошла, стали со мной беседовать.

Мужчина комиссию возглавлял, бодрый, симпатичный, улыбочивый. Жарко было, он румяный такой. Всесторонне обо всём расспрашивал, а в конце спросил, кем бы я хотел быть. Ну, я и сказал, дядя чего поступать. Он как-то очень весело рассмеялся, попрощался.

Захожу в деканат за документами. А мне говорит замдекана, Анна Наумовна Соскина: «Знаете, Окладников сказал, чтобы такой-то (и называет мою фамилию) ехал в Томск, а зимой мы его заберём, будет у нас учиться...» Я растерялся: «Какой, — говорю, — Окладников?» «А тот, что комиссию возглавляет». Я же его в лицо не знал, только в газетах имя встречал. Алексей Павлович тогда только недавно в Новосибирск переехал.

Кстати, на это собеседование он приехал из экспедиции. Я сейчас понимаю, спустя годы и десятилетия, что он присматривался к нам — будущим археологам. Многие потом работали у нас в институте.

Приехал я в Томск. Без экзаменов, после небольшого собеседования меня зачислили. Ничуть не жалею, что узнал томскую школу. Она, конечно отличается от новосибирской, более либеральной. В Томске — дисциплина, строгость, старые традиции, наверное, ещё с царских времён.

Зимнюю сессию сдал почти всю на пятёрки. Позвонил в Новосибирск — всё, приезжай. С каким трудом меня отпустили! До ректора дошёл, чтобы уйти. Даже отдельно приходил наш куратор, Матюшенко Владимир Иванович, уже в ту пору известный археолог, в наше общепитие на Ленина, 49, чтобы сказать: «Зачем уходишь? Тут у нас археология, школа, а у них ещё даже библиотеки нет». Библиотека, действительно, в Томском университете замечательная.

Кстати, первая археологическая практика у меня была именно под руководством Матюшенко. Вдвоём с Косаревым (младший брат корифея западносибирской археологии Косарева Михаила Фёдоровича) он отпра-

вил нас в разведку искать остоящие, селькупские старые поселения. На самолёте летали в Каргасокский район...

Комариный край! На Дальнем Востоке страшные комары, но таких, каких я видел в Каргасокском и Александровском районах, нигде больше нет. Мы ночами иногда минуты не спали, по воде ходили, по Оби, потому что в палатке было не скрыться. Хотя и были дымокуры, различные средства для обмазывания, накомарники — всё равно ночью мириады комаров спать не давали. Мы потом устроились в деревне, ночевали в маленькой гостинице и ходили из деревни вокруг разведки.

Следующая настоящая практика была у Елизаветы Михайловны Берс в 1965 году. Замечательный археолог, известный знаток археологии Урала и Алтая. Её скрупулёзность всем была известна — вплоть до миллиметра. Например, когда профессионалы-топографы, которые занимались съёмкой курганов, которые мы копали в Усть-Куюме, на Алтае, даже самую малость ошибались, доставалось им крепко. Эта её тщательность и тонкость у нас сохранились.

А на следующий 1966 год Анатолий Пантелевич Деревянок меня пригласил на Дальний Восток. Он стал руководителем моей дипломной работы по раннему железному веку Приамурья — польцевской культуре. Ис тех пор, собственно, моя основная область исследований — Амур и Приморье.

Без фарта не обходится

Удачных моментов за эти годы было немало. Но среди них всегда можно выделить что-то особенное.

Закончил университет я в 1968 году, и буквально в самые первые дни в экспедиции Алексей Павлович Окладников предложил мне заняться средневековой археологией Приамурья — эпохой чжурчжэней, которая в то время была совершенно не изучена. Так после раннего железного века я стал заниматься средневековьем. С той поры я раскопал более 700 погребений на нескольких могильниках. Но жемчужиной среди всех — это Корсаковский могильник на Большом Уссурийском острове.

Многострадальный Большой Уссурийский остров! Начиная с 60-х годов, когда китайцы начали предьявлять на него территориальные претензии, наши этот остров стали усиленно осваивать, дамбы строить, чтобы посёлки и сельхозугодья в половецкие заливали. А для дамб надо много земли. И этот бугор, где оказался чжурчжэньский могильник, богатейший без преувеличения (до сих пор другого такого нет), начали разрушать бульдозерами — брали песок. Мы раскопали 390 погребений, а около 150 было разрушено.

Когда доярка нашла там первый горшок, об этом сообщили моему ученику-студенту в Хабаровск, и в том же 1976 году мы приехали. Страшно подумать, не окажись мы там вовремя! Мы потом четыре года строителей задерживали. В последний момент, когда раскопки уже были завершены, та организация, что занималась устройством дамбы, отправила письмо на имя Окладникова, можно ли это место уже использовать? Алексей Павлович мне из Монголии телеграмму дал, я её получил в поле, в Хабаровском крае. Было уже начало октября, холод, в палатках лёд. И я всю ночь ехал, чтобы с утра явиться в эту организацию на улицу Серышева в Хабаровск и предоставить им данные, разрешающие это место осваивать.

Так вот, Большой Уссурийский остров, в конце концов, китайцы частично получили!

Корсаковский могильник — очень ценный памятник для археологии средневековья. В итоге мне удалось почти все материалы опубликовать. Это была значительная часть моей докторской диссертации, находки вошли во все музейные выставки, не только наши, но и в Японии, Корею, Китай и т.д., вплоть до Швеции.

Опрокидывая аксиомы

Следующей большой удачей я считаю неолитический памятник Гася, что на Нижнем Амуре, около Сикачи-Аляна, знаменитого своими всемирно известными петроглифами.

Я тогда параллельно летом занимался и своей темой — чжурчжэньским средневековьем и раскопками неолитических памятников под руководством Алексея Павловича Окладникова. Поэтому сейчас уже лет 15 веду сектором неолита.

На памятнике Гася найдена древнейшая керамика. Началось это в 1975 году, когда мы обнаружили первые черепки в слое так называемой осиповской культуры, которая описана у всех моих коллег-предшественников как мезолитическая. Возраст — от 8 до 12 тыс. лет. Никакой керамики, датируемой столь ранним временем, раньше не находили. Во всех книгах, во всех учебниках осиповская культура — мезолит.

И вот в 1975 году на утёсе Гася, на большой глубине, на самом материке, на коре выветривания, под совершенно чистыми, in situ на 100% осиповскими артефактами находим керамику. Свообразную, рыхлую, толстую, совершенно не похожую на более позднюю неолитическую. Мало везения, так эта керамика найдена под очагом, где масса углей была. Это просто находка из находок!

Мы собрали этот уголь, причём не на одну пробу. Осенью эти пробы везут в Москву — и они теряются без следа! Я не знаю, или в дороге потерялись, или в Москве в ГИНе, но так и не нашлись. Тогда, в 1975 году, эта керамика была бы абсолютно древнейшей в мире.

Но продолжение состоялось в 1980 году. Рядом заложили раскоп, и тоже на большой глубине в нижнем слое осиповской культуры встречаем целый раздавленный сосуд! Можно сказать, не раздавленный, а сплюснутый. Керамика слабо обожжённая. Все специалисты, которые определяли температурный режим обжига, называли максимум 350 градусов. За тысячелетия она стала как пластилин.

Повезло опять же, что я рядом оказался. Кто-то из студентов начал её чистить, говорит: «Какой-то пластилин». Смотрю — похоже на керамику! А тронешь — она мягкая, действительно похоже на пластилин. Дальше щёткой, пинцетом — вырисовывается контур сосуда. Но мягкая! Она за это время на глубине 2 м 20 см размякла. Мы её зачистили и бумагой-крафтом закрыли. Несколько дней сушили. Всё равно она рыхлая. Мы её слабым раствором акрилата — есть такой любимый археологами клей — укрепили. Потому что иначе, если её брать, она рассыпается, как песочное печенье.

Уголь и тут оказался — тоже большая удача. Тут же мы не потеряли этот уголь, получили дату — 12 960 лет, абсолютную и бесспорную.

Конечно, были скептики. Говорили: «Да нет, это шутка. Как может в мезолите быть керамика?!» Ведь в то время, в начале 80-х, на всём пространстве Советского Союза самый ранний неолит с керамикой был 7 тысяч лет. А тут сразу почти в два раза древнее.

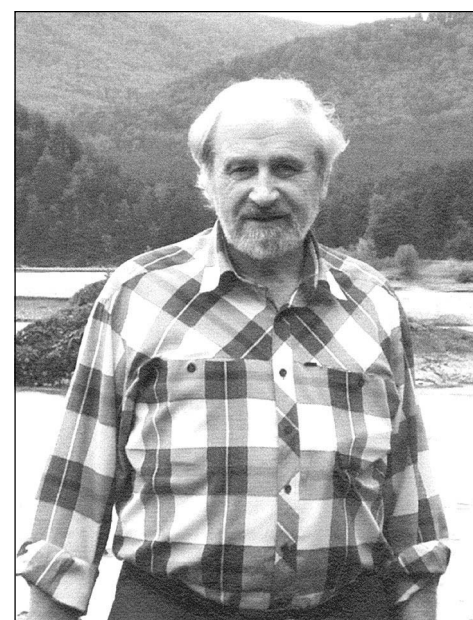
Но нас безоговорочно поддержали... японцы. В 1988 году к нам на Гасю делегация приехала. Они ведь тоже нашли керамику, даже несколько древнее, в пещере Фукуя. Но у них тогда дата была 12500, а у нас 12960 — на то время, да и долго потом самая ранняя керамика в мире. Японские коллеги были уверены, что на материке керамика должна быть ещё древнее, чем на островах, и наша находка их концепцию сильно укрепила. Специальные конференции этому посвящали. Меня отдельно приглашали в некоторые университеты в начале 90-х годов, собирал там полные аудитории. Типично мезолитические вещи, скажем, нуклеусы торцовые клиновидные, которые раньше называли гобийскими, и вдруг керамика!

В последующие годы эти данные были подтверждены. С 1985 года по 1990 год мы раскопали на памятнике около 1000 кв. м. Сосудов таких раздавленных больше не нашли, но керамических фрагментов уже много десятков. Потом на озере Хуми моя аспирантка нашла керамику с возрастом около 13 тыс. лет. И в Китае позже тоже нашли раннюю керамику. Одним словом, открытие было воспринято.

Калейдоскоп культур

В начале 2000-х годов корейские коллеги предложили совместную программу по изучению раннего железного века Приморья. Их очень интересуют связи Кореи с нашим Приморьем накануне создания Трёх государств, время так называемых культур с твёрдой керамикой (примерно синхронных нашим кроуновской и польцевской культурам). Так я вернулся в эпоху раннего железа — в годы студенческой молодости.

В качестве объекта исследований я предложил замечательный памятник Булочка, где работал ещё в начале 70-х годов. Это юг Приморья, недалеко от залива Находка Японского моря. Бугор на берегу, рядом дельта реки Партизанская (одна из самых крупных рек в

Приморье, бывший Сучан). Рядом озеро Лебязье, полусоленое-полупресное, с морем соединяется протокой. Рыбы там даже сегодня невероятное количество, а уж в то время! При этом естественная крепость — с трёх сторон склон круто обрывается и только в одну сторону постепенно понижается. Там, наверное, был тыл или какой-то вал. Очень удобные места.

За три года работ на Булочке мы раскопали 24 жилища, что для поселения раннего железного века очень много. Найден огромный материал — металл, керамика, тысячи каменных изделий. По результатам этих раскопок издано 9 томов.

Нами восстановлена вся история заселения площадки. На это место в раннем неолите пришли люди бойсманской культуры. Потом, в позднем неолите — зайсановская культура, когда впервые начали строить искусственные террасы на склоне. Некоторое время здесь жили и в бронзовом веке — лидовская культура. Отмечена и янковская — самый-самый ранний железный век.

Но особенно много жилищ было построено в кроуновской культуре, в последние века I тыс. до н.э., и в начале нашей эры, когда уже пришли с севера носители польцевской культуры. Они двинулись со Среднего Амурса (Еврейская автономная область, район Хабаровска) по долине Уссури и её притокам, быть может, не одно десятилетие и даже столетие. В последнее время мне и моим коллегам удалось найти здесь несколько городищ раннего железного века, именно польцевских, которые неизвестны в нуклеарном районе. Первое такое городище я нашёл у села Кондратьевка на реке Хор, правый приток Уссури, ещё в 70-е годы. Сначала думали, городище средневековое, мохэское или раннее чжурчжэньское, но оказалось, что это польцевцы рубежа эр. Уже в конце I тыс. до н.э. польцевцы — чистые амурцы — продвинулись на юг и юго-восток в Приморье и ассимилировали местное население.

На Булочке нам удалось проследить, как происходил процесс взаимовлияния носителей двух крупных культур — кроуновской и польцевской. Самое раннее жилище было чисто кроуновским, III—IV век до н.э. Потом встречаются жилища, где есть несколько вещей польцевских среди основной массы кроуновских. Жилище же остаётся кроуновским, с типичными каннами — П-образными, Г-образными дымоходными каналами. У польцевцев на Амуре не было этой замечательной отопительной системы, в Приморье они её переняли и сохранили. Железные и каменные вещи, в то же время, аналогичны амурским. А самые поздние жилища — это уже не польцевская культура и тем более не кроуновская. Мы предложили назвать это польцевской культурной общностью. Чем позже, тем больше польцевские черты преобладают. К IV—V вв. кроуновцы ушли с исторической арены, их сменили польцевцы, а за ними уже мохэцы. Радиоуглерод показал, что польцевское население доживает здесь до V и даже VI века, когда мохэцы начинают активно осваивать приморские и приморские территории. Выяснение этой динамики культурной преемственности я считаю главным результатом наших работ.

За плечами у меня 47 полевых сезонов, только археологических. А в целом, если брать вместе с аэрофотолесоустроительными, когда по тайге бродил с теодолитом, кипрегелем и буссолью, то уже 51 год экспедиционной жизни, которая мне всегда нравилась. Детские мечты сбылись. Я всю жизнь занимался любимым делом. Может быть, удача помогла. Но если бы пришлось прожить жизнь заново, я бы, не размышляя, повторил свой путь.

Подготовил Ю. Плотников, «НВС»